

Караим / рассказ

Category: Heкаýalar, Kitарсу

написано kitарсу | 24 января, 2025

Караим / рассказ КАРАИМ

– Шторм. До утра парома не будет.

Эти слова означали – Борису надо смириться, что он застрял здесь без малого на сутки. Влезть в автобус, вернуться на нем в Керчь, а там – выйти, чтобы слоняться по городу.

На раскаленных улицах – духота. Гроза, стремительная и желанная, бродила где-то за горизонтом.

«Ну, какой еще шторм в такую погоду?..» В любой нормальной, привычной к материковым порядкам, голове такое укладывается с трудом. Определив направление, он скоро вышел к набережной. Море било о берега под безоблачным небом и долетало брызгами, холодными и освежающими.

Поодаль белые яхты и серо-коричневые катера сбились у причала, как куры на невидимом насесте. А совсем рядом огромный, будто всплывшее морское чудовище, нагруженный корабль медленно и грандиозно менял курс, готовясь пришвартоваться. Несколько минут, замороженный зрелищем, как в детстве, Борис не мог оторвать от корабля взгляда.

Наконец, кипящие волны были побеждены – исполин, покачиваясь, на самом малом ходу двинулся прямо.

* * *

– ...если, оказавшись здесь, идти не торопясь, и оглядывать дома, читать вывески, вдыхать причудливую смесь запахов города и моря и сворачивать с новых на старые улицы, то город начнет вам приоткрываться, – на тесном перекрестке Борис догнал экскурсию и ненадолго задержался среди группы людей, внимавших приятному поставленному голосу: – И тогда под маской промзоны, стратегического порта и транспортного узла различается сначала недавняя история, отчаянная и героическая. Вы, конечно, уже слышали об Аджимушкайских каменоломнях, об их

стасемидесятидневной обороне. О бессмертных героях Эльтигенского десанта. В честь тех и других названы улицы нашего города. До этого – времена чужих властвований, когда город и окрестности были одними из самых дальних окраин Крымского ханства и его покровительницы Блистательной Оттоманской Порты [1]. Мы проезжали сюда мимо Босфорского переулка. Еще раньше был период запустения и упадка – он не слишком хорошо отражен, да и незачем. А перед ним, до всего этого – далекая эпоха расцвета столицы могучего царства [2], бросившего вызов величайшей империи древности. Если бы война тогда завершилась по-другому, то и Центр мира, то самое место, куда ведут все дороги, могло быть не где-то в Риме, а прямо здесь – в Пантикапее! – обладатель приятного голоса приподнялся на какую-то невидимую из-за спин ступеньку и оказался пухлым с заметной залысиной гидом. Он сделал паузу и пристально оглядел своих подопечных, как будто решая, стоит ли еще взвинтить пафос своей речи или же рассказать подходящий случаю анекдот.

Борис отразил долгий подозрительный взгляд соседки в пятнистой панамке, цепко прижавшей сумочку к животу, и заставил себя двинуться дальше.

– А там – знаменитая лестница без малого в полтысячи ступеней, – продолжал за спиной гид. – Мы на нее еще поднимемся! – В ответ донесся восторженный и горестный гул.

* * *

Борис остановился под навесом с вывеской «ВИНО НА РОЗЛИВ». Сразу отвернулся от фруктов и бутербродов – в животе и так уже урчало от голода, – а взял только стакан каберне. «Денег-то в обрез. Ночевать придется сидя на переправе. Или на скамейке под платаном. Или... Или?..»

Огляделся. Через дорогу старинный дом среди большого сада. Красная черепица над белой стеной. Такие крыши ему здесь не встречались.

– Кто там живет? – спросил смуглого парнишку-продавца. Тот выглянул из-под навеса и наморщил лоб, припоминая.

– Самуил, – ответил, наконец. – Да, точно. Караим. Так его зовут.

Борис кивнул, опрокинул в себя последний глоток и двинулся в сторону дома. Даже не спросил, что за странная фамилия – Караим?

Темный Угол выгнал старика Самуила на крыльцо.

Самуил прошептал молитву, глядя на заросший переплетенными кустами юг, и сразу отправился к выходу, держа в поле зрения стену, чтобы опереться, если устанет. Теперь вот сидел на скамейке по колено в тени – так что ступни пекло солнце – и никак не решался вернуться.

Фасад его дома выходит на одну улицу, сад – на другую. А Самуил – самый старый на них обеих. И как же долго у него никак не получается умереть. Это последняя его забота. В ящике стола под лампой лежит особая тетрадка с потрепанными углами, где записано, кого звать на похороны. Раз в полгода он сверяется и уточняет: все ли приглашенные живы сами, в уме ли они и точно ли в силах приехать? Порой приходится вычеркивать и думать дальше.

Жаль, что уже нет Симы. Хорошо, что есть Майя, ее сестра. Она обо всем позаботится и ничего не упустит. Зря только он ей так сказал в тот раз. Но это, понятно, стариковское. И она, кажется, отошла от обиды. Но, все равно, зря...

Борис подошел к ограде. И за каким лешим его сюда потянуло? Дом как дом, каменный, крепкий. Сад за ним видно, что хороший, хотя и малость запущенный. Но пугало в шляпе вон выставили от птиц, чтоб не так клевали. Ладно, постоит, посмотрит и решит, куда двинуть дальше – ничего страшного в этом нет.

Все вокруг было тихо и неподвижно. Подняв голову, Борис заметил, что прямо над ним нависла отяжелевшая ветка груши. Руки потянулись сами и сдернули два спелых плода. Почему не попробовать обмануть ими голод?..

Вдруг ему показалось, что пугало в шляпе пошевелилось и взмахнуло рукавом. А потом с глухим стоном опрокинулось назад, на горку насыпанного щебня. Борис тоже невольно вскрикнул. Из дома никто не появился. Тогда он поддел щеколду калитки и вбежал внутрь.

Шляпа отлетела в сторону. На щебне лежал старик и пристально смотрел на него.

– А спросить язык отсохнул? – глухо выговорил он, не отводя взгляда. – Не пацан уже.

Глупо. Ни на чем подобном Боря не попадался лет с одиннадцати.

– Вам помочь?

– Руку дай.

Опершись на молодую крепкую руку, старик снова сел на скамейку.

– Шляпу.

Борис наклонился и, стряхнув с нее пыль, подал ему. Старик водрузил шляпу на голову, чуть поправил.

– Спасибо.

Борис пожал плечами:

– Не за что.

– Ну что? Ешь.

Тут Борис заметил, что обе груши по-прежнему сжаты в другой его руке.

– Неудобно, – тихо ответил он.

– А рвать чужое – удобно? – И помолчав, старик решил: – Дай мне одну, а второй угощайся.

Откусив и старательно прожевав кусок сочной мякоти, хозяин сада представился:

– Я Самуил.

– А меня Борис.

Старик улыбнулся краем губ:

– Присаживайся, Борис, для тебя есть место.

Они сидели в доме за столом. Самуил показал гостю, где что искать, и тот сам выставил на стол и холодное мясо, и

разогретые на плите фаршированные перцы, и козий сыр, и фрукты из сада, и округлую бутылку с крепкой многолетней настойкой.

– Будем знакомы! – решился на тост Борис.

Оба выпили до дна.

– А ты откуда сам? – выдохнув, спросил Самуил.

– Родился в Крыму. Но мы рано переехали, так что я почти ничего не помню.

– И так бывает, – согласился хозяин.

– Вы ешьте тоже, Самуил. Чего еще положить?

– Доем – тогда и добавишь. Мне бы твой аппетит. И лет на двадцать пять поменьше.

– А вы скиньте мне из своих?

– Сам наживешь и не заметишь.

Борис налил еще «под перцы».

– Я давно живу, – с усилием заговорил старик, – и с детства знаю, что у нас почетная фамилия. Моего деда помнят в Японии. До сих пор. В своем последнем бою он один убил восемнадцать самураев. Сначала у него был наган, потом только сабля. Вон те ножны, – он кивнул на дальнюю стену, – от нее. На лезвии остались зазубрины от всех ударов. Вокруг него одного лежал взвод мертвых солдат с командиром. Говорят, у тех, кто упал на спину, у всех были удивленные молодые лица. Почести к его телу приходил воздать сам их генерал. Саблю они вернули, но сперва выковали точно такую же и выставили в своем музее славы. Написали, что это – оружие великого воина [3]... Здесь? – он произнес немой вопрос, который ожидал увидеть в Бориных глазах. – Нет, никто про него не знает.

Старик замолчал и тяжело вздохнул.

– А ваша почетная фамилия – Караим?

– Нет, бойдакъ [4]. Караимы – это народ; его называли святым народом. И особая вера, которую предки считали самой верной. Мы не евреи, не татары, не литвины и не турки. Доводилось уживаться с ними со всеми. Мы одни чеканили монеты для Хана всего Крыма; наших сородичей брал телохранителями Великий князь Литвы. Но отстаивать себя всегда выпадало самим.

– Я понял, – кивнул Борис.

– Ты мало что в этом понял, но слушай дальше. Я ушел работать

еще совсем юнцом. Был чересчур худым, но очень настырным. И быстро научился прикрывать глаза своему страху. Потом пришла война, и я решил, что ни к чему от нее прятаться. До деда мне далеко, но свое дело я знал. Бывало, каждую ночь ходил за «языком», жаль, что донести их живыми не всегда удавалось. За одного, которого посчитали особенно ценным, представили к ордену и сразу выдали трофей – его «вальтер». Два раза меня крепко задевало, но вернулся обратно с руками, с ногами и со всем, что нужно мужчине. Как раз тогда решили заново строить город. Вот этот дом уцелел – отделался несколькими шрамами, как и я, – Самуил приподнял руку и провел пальцами вдоль стены, как бы проверяя. – А мы стали строить назло войне. В это время мне встретилась моя женщина, та самая, в чьи глаза не страшно смотреть до самой старости. И она что-то такое разглядела во мне. Мужчин в поре было тогда немного, но к ней уже сватались: и наши, и русские. Нам тогда казалось, что мы ждали очень долго, а сами обвенчались по старому обычаю уже через месяц.

– И что потом?

– Знаешь, – отпив воды из кружки, продолжил Самуил, – я не рвался в начальники, однако меня ценили. Звали в другие города. Я уезжал на месяцы. Возвращался. Бывало, я вдруг дико ревновал ее там, за сотни километров. Я звонил самым близким и доверенным, с каждого требовал присмотреть за ней и сразу сообщить мне, но никто так и не узнал про нее ничего плохого. А к моим приездам у нас рождались дочери. Пять дочерей. По их повадкам я вновь убеждался, что все они – мои. Старшей уже нет. Так бывает редко, но ее я любил и баловал больше всех. Мы дали ей нежное имя – произносишь, и будто цветок распускается.

– А как ее звали?

– Айтолу. Это значит, полная Луна. Она родилась в полнолуние.

– Можно влюбиться в одно только имя.

– В нее было за что влюбиться. Святая правда. И говорю так не потому, что я отец. После нее сильно ждал сына. Достойного правнука моему деду. А вместо него – новая дочь. Я очень переживал. Ждал и молился, подолгу и горячо, – и сын очень поздно, но должен был у нас появиться.

Я понял сразу, что в этот благословенный раз будет он. Мне казалось, что это видно уже по ее животу. Другие сомневались, но у них-то не рождалось столько дочерей. Жена рассказывала счастливым шепотом, что он бил изнутри не часто, но сильно и требовательно. По-мужски. Я купил ему колыбель и повесил в отдельной, его комнате. Он точно должен был вырасти красавцем и настоящим батыром.

Только сначала родиться, задышать и заговорить.

Я все и всюду успевал. Мне казалось, что кто-то скинул с меня лет двадцать, и я теперь могу взлететь без крыльев на одной своей будущей радости.

И вот в один из дней на последнем месяце ожидания я вернулся из сада перед самой жарой и заглянул с порога в его комнату. Айтолу стояла там – не знаю, что на нее вдруг нашло – и качала колыбель со своей старой куклой, и напевала ей. Что-то шептала от себя и снова напевала. Она стояла спиной и меня не видела. А об этом есть дурная примета. Глупое суеверие. По нему выходит, что младенцу не выжить. Я вспомнил об этом и едва не задохнулся. Язык не слушался, и я ничего не мог ей сказать. Она учуяла взгляд. И мой взгляд был такой, что она – совсем уже не маленькая девочка – прижала к себе ту проклятую куклу, выскочила отсюда и не появлялась в доме до самой ночи.

Роды были долгими. Ребенок оказался слишком большим. Пять с половиной килограммов, как сказала потом сестра. Нужно было решаться, помочь ему и сделать то, что они называют «кесарево». Но молодой врач так ничего и не сделал. Только успокаивал ее и ждал. Рассчитывал, что сойдет и так. У роженицы ведь были дети, и все как-то выбирались сами.

А потом мой сын задохнулся...

Сказав это, Самуил сам задышал отрывисто, приподнялся было со стула и снова сел.

– В комнату... там, возле головы... справа, белая пачка...

Борис стремительно затопал по кухне и коридору и вернулся с таблетками.

Старик дошел бы туда и сам, если бы не Темный Угол. Хорошо, что есть тот, кто о нем еще не знает.

* * *

– ...как похоронил? Его принесли в деревянном гробике. Я сам копал могилу. Единственный раз после войны. Могильщики были не в обиде на меня. Яму длиной в неполный метр рыть дольше и труднее всего. Я закончил поздно вечером. А потом, на что-то надеясь, просидел на кладбище всю ночь и вернулся утром.

Жена быстро встала на ноги, но очень стыдилась себя в следующие дни. А у меня не получалось жить со всем этим. Я продал по хорошей цене вещи заведомо ненужные моим женщинам: мотоцикл, мотор для лодки, парадные пиджаки. Потом снял все сбережения с «книжки», добавил к ним деньги от этих продаж, завернул в пакет и положил дома, за известным только мне и жене кирпичом.

А на следующий вечер я пошел к тому врачу в гости. Принес с собой жареного барана и лучшего вина.

– Сегодня у нас будет Курбан [5], – сказал я, – последний день траура.

У него нашлось что-то вроде большого подноса, и мы сели вместе возле его дома. Доктор знал свою вину. Сначала бормотал что-то невнятное, а потом перестал. Сидел, опустив голову.

– Ешь.

Помню, как судорожно он жевал, испуганно выглядывая из-за куска в своей руке. Казалось, от него даже пахло каким-то особым предсмертным потом.

– И пей.

Его глаза выпучились. Было видно, как входит в него каждый глоток, готовый отрыгнуться. Добра от меня он точно не ждал. Но повиновался.

– А теперь будь мужчиной. И помолись, если есть кому молиться. Доктор ошалело мотнул головой. Как я понял, это значило, что молиться он не станет.

Не торопясь, привычным движением я просунул руку за пазуху. Рукоять была теплой – согрелась на груди. Этот трофейный ствол, как следует, смазан и надежно заряжен. Осечек с ним не бывало – это я помнил и тогда, через четверть века после моих ночных вылазок.

Я смотрел на него в упор, дожидаясь, чтобы поднял взгляд, когда с крыльца сошел маленький сын доктора. У сына были огромные светлые глаза. Он был совсем крохой и пролепетал мне что-то радостное и доверчивое. Наверно, поздоровался, но разобрать непривычным ухом у меня не получилось.

Я вынул руку и поднялся. А доктор все сидел со своей опущенной головой.

– Береги его, как он сегодня сберег тебя, – сказал на прощание. И тогда, услышав это, он весь задрожал.

Позже я видел доктора всего раз. На вокзале. Он суетился, подавая чемоданы в вагон. Поезд отходил через несколько минут. Я сделал шаг из-под навеса и остановился на освещенном месте, пристально глядя. И люди, даже те, кто очень спешил, молча обходили меня. Тогда я разглядел, что на виске у доктора выступила седина. Он все копался во внутренних карманах, а потом сразу полез по ступенькам в вагон. Так и не поднял голову. И глаз не показал. Может даже, я ошибся, и в тот раз это был вовсе не доктор.

А через несколько лет дочери стали разъезжаться. Еще чуть позже, по выдавав их всех замуж, во сне умерла моя жена. Я был еще крепок и женился снова, но и она, моя Сима, опередила меня.

– А дочь Айтолу?

– Однажды она попала в крушение на море. Ее тела так и не нашли. От нее растут чудесные внуки. Они у меня редко здесь бывают, но недавно зять прислал мне их фотографию.

Они вместе помолчали.

– Знаете, – негромко произнес Борис, – мой отец – врач.

– Надеюсь, он хороший врач?

– Да. У него был мудрый учитель. А вы простили того врача за сына?

– Я же никого не тронул.

– А там, в сердце, где болит?.. Простили?

Самуил задумался, протянул руку и сам разлил им обоим. Поднял стакан и опрокинул залпом.

– Что смотришь, бойдакъ?

– Никогда не видел живого караима...

– А мертвого карая?

– Надеюсь, никогда не увижу, – мотнул головой Борис. – Идете спать?

– Иду. Только соберусь с духом и пойду.

– А что там?

– Знаешь, я стал бояться его – Темного Угла. Там, слева от изголовья. Там ничего, совсем ничего. Я раньше не думал, не приглядывался. Но там совсем ничего нет. Ни разу не пробежала по стенке ящерица. Паук не вьет паутину. Кажется, даже мухи туда не садятся. И я таки, уже очень старый.

Борис проводил его до кровати. Потом вгляделся, пытаюсь определить, где этот самый страшный Угол, но так его и не различил. Упал на диван в другой комнате и уже ночью, очнувшись среди короткой кипящей в листве грозы, увидел под потолком в отблеске молнии крюк для колыбели.

И накрылся покрывалом с головой.

Утром Борис проснулся от надсадного кашля из соседней комнаты. Он обулся, накинул рубашку и вошел.

– Мои годы уже не такие легкие, – повернул голову Самуил.

– Если надо, я останусь.

– Нет, сынок, тут теперь нужен не ты. Встреть лучше Майю на переправе, она там работает. С виду такая полная, улыбается глазами и волосы темные закалывает всегда вот так... – он с трудом приподнял кисть руки с неуклюжими скрюченными пальцами, чтобы показать. – Это сестра второй моей жены. Сегодня ее смена. Она все устроит, как надо.

– Тогда прощайте, Самуил!

– Иди, огълан [б]. – И уже в спину Борису донеслось: – Я простил его!

Шторм почти улегся. Вдалеке к югу мерещились в дымке контуры исполинского судна. Борису мельком припомнился вчерашний маневр в порту.

Он вошел в зал и, еще не достав паспорт, заметил и узнал ее. Обратился:

– Вы Майя?

Она кивнула.

– Мне передали просьбу для вас. Когда освободитесь сегодня, то зайдите... – он запнулся и махнул рукой назад в утренний сумрак.

Майя сама назвала улицу и дом.

– Точно. Туда.

– Я обязательно зайду вечером.

Он прошел досмотр быстро, без лишних вопросов.

С парома смотрел на уходящий крымский берег и думал сразу об отце и об этом неизвестном ему раньше народе; и о странном человеке, который вдруг отчетливо выступил из тумана младенческой памяти; и о таком нескончаемом горестном дне, к исходу которого нельзя не прийти вслед за своей раненой душой в единственном кипящем и выжигающем стремлении, в своем праве и своей ярости; и о том моменте, когда вот так невозможно становится поднять руку и убить.

Огромный, очертившийся корабль уже без груза с протяжным гудком уходил от берега в море.

В это время старик прикрыл глаза. Он давно отвык, что его седая голова может быть такой ясной и легкой, только пульс бьёт чаще. Он на быстром и послушном жеребце мчится по степи. Жмурится от солнца, сбавляет шаг. Издалека он видит двух женщин. И сразу понимает, что это жена и старшая дочь с нежным именем. Поворачивает коня к ним. Они узнают его, радостно переглядываются, тянут к нему руки, почти касаются. И вдруг оказываются на кургане в нескольких сотнях метров. Он пришпоривает, яростно колотит пятками в горячие бока и чувствует, что коня под ним уже нет...

...Жгучие капли находят путь сквозь многие морщины. Солнце раскаленным шаром вкатывается в комнату. Так хочется вдохнуть еще раз, но привычно-густого солоноватого воздуха тоже нет. Самуилу удается скосить глаза и поглядеть туда, вбок. Страшный, вечно темный Угол переливается сверкающей на досках смолой. Выше под потолком тонко колышется паутинка.

И застывает в нестерпимом свету.

1 Блистательная (Высокая) Порта – резиденция турецкого султана, либо местопребывание турецкого правительства, а также наименование самой турецкой монархии.

2 Оратор неточен, Пантикапей (одно из названий Керчи в древности) был столицей Боспорского Царства, поглощенного Понтийским при Митридате VI Евпаторе, царе, активно противостоявшем римскому государству.

3 В основе реальный исторический факт героической гибели поручика караимского происхождения М. Ф. Тапсашара при обороне Порт-Артура в 1904 году.

4 Бойдакъ (bojdash) – парень (караим.).

5 Курбан у караимов означает последний, а не первый (как у многих тюркских народов) день траура.

6 Огълан – сын, сынок.

Об авторе: АЛЕКСАНДР ЕВСЮКОВ

Родился в Щекино Тульской области, живет в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Публиковался в журналах «Дружба народов», «Бельские просторы», «Номо Legens» и др., в альманахах «Артбухта», «Согласование времен», в сборниках прозы «Крымский сборник. Путешествие в память», «Крым, я люблю тебя» и др. Лауреат конкурсов малой прозы им. Андрея Платонова, «Согласование времен» и др. Некаулар